

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

М.Е. Попов
**Sociocultural Integration Potential
in Identity-Based Conflicts
Constructive Resolution
in the North Caucasus**

The main theoretical approaches to analyze sociocultural integration as a tool for resolving regional identity-based conflicts are considered. The focus is on the ability of integration to deescalate ethnic tension and transform identity-based conflicts in the North Caucasus.

Key words and word-combinations: sociocultural integration, regional conflicts, identity-based conflicts, the North Caucasus.

Рассматриваются основные теоретические подходы к анализу социокультурной интеграции как инструмента конструктивного разрешения региональных конфликтов. Акцентируется внимание на исследовании потенциала интеграции, позволяющего деэскалировать этническую напряженность и трансформировать конфликты идентичностей на Северном Кавказе.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурная интеграция, региональные конфликты, конфликты идентичностей, Северный Кавказ.

УДК 323.11
ББК 66.3(0)5

М.Е. Попов

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Системная стабильность и безопасность политических регионов зависят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности и гражданской интеграции. В связи с этим первоочередное значение приобретает комплексный анализ социокультурной интеграции как процесса ценностной консолидации, благодаря которому этносоциальные субъекты достигают высокого уровня гражданского самосознания и надэтнической идентификации.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе». Грант Президента РФ МД-7429.2015.6.

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации региональных сообществ к изменяющимся условиям глобализации актуальны и в теоретическом, и в практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблем интеграции в политических и социальных науках, а также поиском новых модернизационных ресурсов развития российского общества. По словам А.Н. Сулимина, «социально-экономический кризис, в котором сегодня находится российская экономика и социальная сфера, в большей степени связан с последствиями тупиковой модернизации, а не с внешними факторами. Реформы, в рамках которых проходила либерализация социально-экономических отношений, проводились без учета институциональных особенностей российской среды. Ради получения сверхприбыли как главной цели рыночной экономики были разрушены и деформированы коммунальные социальные институты, сложившиеся исторически. Это привело к снижению уровня жизни большей части населения и понижению доверия к общественно-политическим институтам. Вызывает сомнение целесообразность снижения роли государственных институтов при модернизации общества, а также приватизация ключевых объектов социально-экономической сферы» [1, с. 26].

Специфика региональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих ценностей и идентичностей. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт этнорегионального конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. В структурном отношении региональные конфликты идентичностей выступают следствием эскалации социального неравенства и мобилизации этничности, угрожающих интеграционным процессам в полиэтничном сообществе. Как отмечают Дж. Эстебан, Л. Мейорал, Д. Рей, внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации регионального этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа от имени этнической группы. Р. Брубейкер и Д. Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX в., пришли к выводу об исчезновении биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений [2, р. 70].

Социальная дезинтеграция усиливает изоляционистские тенденции и регионализацию Северного Кавказа, порождает аномию, апатию, пассивность, а носителей радикальных идеологий подталкивает к этнополитическому и религиозному экстремизму. Актуализация антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции связана с поисками надэтнической модели социальной консолидации, поддерживающей межэтническое сотрудничество и диалог. Интеграция как процесс продвижения гражданских ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий этносоциальным субъектам взаимодействовать на основе принципов безопасности, справедливости, равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов идентичностей.

Теоретическая традиция исследования социокультурной интеграции связа-

на с концептуальным противоборством теорий этнического конфликта, мультикультурализма, неофункционализма: противоречие заключается в трактовке сущности интеграции как способа дэскалации этнического конфликта и статуса этнических меньшинств в плюралистических обществах. При этом конфликтологи опираются на анализ конфликтотенной природы этничности, мультикультуралисты исходят из нормативности аскриптивной этнической идентификации, представители функционалистской парадигмы интерпретируют статус и права этнических групп с позиций равенства возможностей и императивности интеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, более типичны, чем крупномасштабное насилие [3, р. 220].

Необходимость стимулирования социокультурной интеграции в полиэтничном сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение региональных конфликтов. Социокультурная интеграция подразумевает формирование надэтнической идентичности.

На макросоциальном уровне социокультурная интеграция направлена на создание условий для адаптации различных категорий мигрантов на основе этнической толерантности. По словам С.В. Рязанцева, «в России интеграция стала частью миграционной политики с 2012 года, когда была принята Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года. В ней прописано: “важными элементами государственной миграционной политики... является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов”, хотя еще несколько лет назад понятие “интеграция” отсутствовало в “лексиконе” российской миграционной политики» [4, с. 26]. «В настоящее время в России, как обеспеченной ресурсами стране, созрели все предпосылки для того, чтобы в области миграционной политики ставить более амбициозные задачи, не фокусируясь только на трудовой миграции, депортации недокументированных мигрантов и пресечении незаконной иммиграции. Пора заниматься формированием миграционных потоков и интеграцией необходимых стране категорий мигрантов» [4, с. 29].

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контр-нарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую

долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, что права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства. Это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства.

Политика социокультурной интеграции имеет ценностно-нормативной целью социальную инклюзию, подразумевая равные возможности и права для всех социальных субъектов. В результате реализации этой задачи социальная система становится более интегрированной, что предполагает равенство и улучшение жизненных стратегий. Критики интеграции обращают внимание на ее потенциальные негативные последствия, вызывающие в воображении репрессивный образ ассимиляционной политики и навязанного культурного единообразия.

В социально-политическом дискурсе проблемы интеграции могут быть обобщены следующим образом:

1) социокультурная интеграция имеет морально-ценностный императив и системную задачу, заключающиеся в социальном прогрессе по направлению к более справедливому и равноправному обществу;

2) в процессе социокультурной интеграции конфликтогенные факторы социальных неравенств и экономической поляризации могут быть смягчены за счет социального включения личностей и групп, ранее исключенных из определенных видов деятельности;

3) в стремлении к социальной инклюзии, универсализму, единообразию политика интеграции может нивелировать ценности мультикультурализма и принципы культурного разнообразия;

4) максимальная концентрация на нормативной цели социокультурной интеграции может препятствовать политическим трансформациям.

Социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, ослаблением этнической мобилизации и редукцией негативной стереотипизации «других» в качестве «этнических врагов». Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь групповых идентичностей с примордиальными ценностями традиционных обществ, в которых гражданское самосознание и индивидуализм не играют заметной роли. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликта идентичностей [5, p. 657].

Региональные конфликты идентичностей — следствие реактуализации и радикализации политизированной этничности. Анализ взаимосвязи эскалации этнической напряженности и роста конфликтующих идентичностей приводит к мысли о деструктивном воздействии на региональную безопасность факторов этнической мобилизации и культурной интолерантности. По словам В.А. Ачкасова, «этнополитический конфликт — это не только вооруженное или

политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических и культурных ценностей и символов. Это порождает феномен “конкурирующих культурных и исторических традиций”, чаще всего это противоборство национальных или этнических традиций в рамках многонационального социума, борьба за “историческое наследие” (конструктивисты не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию) или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Возможны острое соперничество и религиозных, и этнических традиций в мультиконфессиональном или мультиэтническом обществе, противостояние региональных традиций, борьба за определение смысла конфликта и установление его причин и т.д. Зачастую подобная “война интерпретаций”, борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов, становится прологом к острым межгосударственным политическим конфликтам» [6, с. 50–51].

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека наряду с потребностью в безопасности. При этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость [7, с. 21].

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода. Ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп. Чтобы добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, Дж. Ротман предлагает начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Он рассматривает идентичность как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях [8, р. 39].

В конфликте идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве «персональных максимайзеров» (Дж. Ротман), защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне, но все эти восприятия генерируются «культурной формулой». Культурная идентичность

становится «идеологической базой» участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами.

Региональный конфликт идентичностей имеет собственные уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса такого конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтотенную природу этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реактивирована, если группами осознается угроза идентичности, ценностям и интересам, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и в конечном итоге — к насильственному этническому конфликту [9].

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована. Воздействие установок на экстремизм и насилие состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, которые являются условиями открытого противостояния.

Конфликтотенность интолерантной этничности обусловлена негативной стереотипизацией «других». Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к социокультурной интеграции и гражданскому диалогу. Однако когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы безопасности, возникают трудно разрешимые конфликты идентичностей. По мнению А.В. Глуховой, «ресурсы диалогичности (институциональные, коммуникативные, интеллектуальные, психологические) являются важным показателем цивилизованного общества, его способности к устойчивому демократическому развитию. При этом под диалогичностью понимается общественная открытость (прежде всего политических структур), стремление к взаимодействию культур и их носителей, развитость дискурсивных технологий, коммуникативная толерантность. Диалогичность — это вместе с тем свойство, умение субъектов взаимодействия согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем. В случае возникновения сложностей с согласованием интересов диалог позволяет поддерживать взаимоотношения между своими участниками, не обязательно при этом договариваясь» [10, с. 11].

Структурными условиями эскалации этнической напряженности и ее перерастания в трудно разрешимые конфликты идентичностей являются социальное неравенство, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе — противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Эти конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и групповые идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в этнификационные конфликты. В силу эмоциональной заряженности и иррацио-

нальности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этничности и негативные культурные стереотипы в восприятии «других» играют ключевую роль в инициации таких конфликтов.

При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать, что, во-первых, социокультурная интеграция — это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм той или иной этносоциальной системы в рамках единого политического пространства.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, на ценностном и идентификационном уровне общественного сознания может быть преодолена целенаправленным культивированием мировоззренческого плюрализма и этнической толерантности. По словам Е.А. Кублицкой, «конфессиональная и национальная исключительность становятся специфическими чертами, укрепляющими как религиозную, так и этническую идентичность. Развитие толерантных отношений в полиэтническом и поликонфессиональном регионе имеет особое значение. Основная суть толерантности — терпимость к “чужому”, “иному” в российском государстве — неотъемлемая черта демократизации общества. Развитие этих отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости населения в национальной и конфессиональной сферах» [11, с. 97]. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах макросоциальной солидарности и межэтнического сотрудничества.

Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме — конфликтов идентичностей — носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения — проактивного воздействия на конфликтную среду путем структурных трансформаций и рационализации этнических противоречий.

Библиографический список

1. Сулимин А.Н. Тупики модернизации в институциональном строительстве современной России // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1 (52). С. 21–26.
2. Esteban J. et al. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts // Science. 2012. Vol. 336. P. 67–78.
3. Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, № 4. P. 210–232.
4. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 25–29.
5. Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. № 28 (3). P. 650–658.

6. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. Т. 9, № 2. С. 41–61.
7. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь, 2011.
8. Rothman J. Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities. San Francisco, 1997.
9. Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework // Journal of Global Change and Governance. 2009. Vol. 3, № 1. С. 3–18.
10. Глухова А.В. Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики: современные тенденции и проблемы России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 11–20.
11. Кублицкая Е.А. Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 91–99.

N.B. Zazaeva
The Role of Cultural Differences
in the Regulation of Freedom
of Speech and Press in the Modern
Information Space

The differences in approaches to media through the prism of the cultural matrix of modern western and traditional cultures are considered. The author emphasizes that cultural differences in the perception of mass information are an objective fact that must be considered when regulating freedom of speech and press in the modern information society.

Key words and word-combinations: cultural differences, the media, freedom of speech and press, censorship, information society.

Рассматриваются отличия в подходах к массовой информации через призму культурных матриц современной западной и традиционной культур. Подчеркивается, что культурные различия в восприятии массовой информации являются объективным фактом, который нужно принимать во внимание при регулировании свободы слова и печати в современном информационном обществе.

Ключевые слова и словосочетания: культурные различия, массовая информация, свобода слова и печати, цензура, информационное общество.

УДК 002:008.001
ББК 76+71.0

Н.Б. Зазаева

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
В РЕГУЛИРОВАНИИ
СВОБОДЫ СЛОВА И ПЕЧАТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Специфика современного информационного пространства как глобального и поликультурного создает выбор между учетом культурных различий и их унификацией в практиках работы с общественным мнением. В свою очередь это обстоятельство влияет на регулирование свободы слова и печати, то есть поднимает проблему цензуры в системе массовых коммуникаций различных стран и культур. Существует смысловой зазор в отношении к цензуре современной западной и традиционной культур, и в эпоху глобализации он имеет тенденцию увеличиваться.